

П а р и с. Который <?>

Одноногий. Вон. (Указывает на режиссера.)

П а р и с. А-а-а. Слава богу. Наконец-то успокоился.

В е д у щ и й. Ну, пойдем пивка, что ли, выпьем.

DOI: 10/31860/0131-6095-2019-1-227-236

© Е. И. Якубовская

ЗАМЕТКИ ФОЛЬКЛОРИСТА ОБ ИСТОКАХ РАССКАЗА ФЕДОРА АБРАМОВА «САМАЯ СЧАСТЛИВАЯ»

Разбирая коллекцию фольклора, записанную Федором Абрамовым на его родине — в Пинежском районе Архангельской области летом 1939 года, хранящуюся в Рукописном отделе ИРЛИ,¹ я обнаружила в одной из полевых тетрадей автобиографический рассказ исполнительницы свадебных причетов — Акулины Савичны Каракиной из деревни Лётополы,² расположенной недалеко от родной деревни писателя Верколы, на противоположном берегу реки Пинеги.

Молодой собиратель (в ту пору только что окончивший первый курс филфака ЛГУ) так описывает свою собеседницу: «На редкость веселая 60-летняя старуха, а на вид — только пожилая женщина. С самого начала существования своего колхоза „Большевик“ она со своим задорным стариком, весьма любознательным и обходительным (который, между прочим, рассказал мне потрясающую историю своей жизни в монастыре в работниках), копаются на колхозном огороде и выращивают ежегодно немало капусты и других овощей. В их семье есть еще три женатых сына и дочь. Все они работают на промыслах, а один из сыновей уже одиннадцатый год служит в армии.

Для кого колхозная жизнь хороша или плоха — а для них самая радостная. Со слезами вспоминают они прежнюю жизнь, когда не было куска хлеба и приходилось

¹ ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1–4. В описи Коллекции (П. 4. Ед. хр. 34. № 1) содержатся следующие данные: собиратель — Абрамов Ф. А. — студент II курса филфака ЛГУ. Год зап. 1939, июнь–июль. Место записи: Северная (Архангельская) обл., Карпогорский р-н, Веркольский с/с, д. Веркола, д. Летополя; Быстровский с/с, д. Шотова; Городецкий с/с, д. Городецк; Лавельский с/с, д. Лавела; Ваймушинский с/с, д. Айнова, Шотова Гора, с. Карпогоры, Карпова Гора. Состав коллекции: былины — 2, заговоров — 17, причитаний > свадебных — 8, причитаний < похоронных — 2, комедийных < сценок — 1, песен лирических — 84, песен рекрутских и солдатских — 19, песен свадебных — 38, песен игровых — 8, песен жнивных — 1, песен плясовых — 2, припевок — 10, частушек — 183, пословиц и поговорок — 0, автобиографический исполнитель < ельницы > — 1. Итого — 326 ед. хр. Всего единиц хранения — 373. Записи представлены в виде полевых рукописных тетрадей (п. 1: записи в школьных тетраджах в линейку чернилами и карандашом, в том числе самозаписи народных исполнителей) и беловых авторизованных машинописных копий (п. 2–4: первый экз., с пометами карандашом и вставками чернилами). Пользуясь случаем, приношу сердечную благодарность сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ И. В. Кошчиенко и Л. В. Герашко за содействие в работе над коллекцией пинежского фольклора в записи Ф. А. Абрамова.

² Рассказ о жизни. Полевая запись: ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1. Ед. хр. 13. Л. 7 об. — 9. Соответствующая беловая машинопись: ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 4. Ед. хр. 30. Л. 1–3. Северная обл., Карпогорский р-н, Веркольский с/с, д. Летополя. Акулина Савична Каракина, 60 лет, колхозница, неграмотная, семейная. Запись Ф. А. Абрамова, студента 2 курса ЛГУ. 18 июля 1939 года. Далее записанные Абрамовым материалы цитируются по беловой рукописи (П. 1. Ед. хр. 13) с указанием в скобках номера листа, с приведением пунктуации к современным нормам.

нередко в квашню прибавлять белый мох. Особенно страшна и отвратительна жизнь, по их рассказам, в работниках в монастыре» (л. 7 об.).

Далее Абрамов излагает историю взаимоотношений местных жителей и насельников монастыря в версии Акулины Савичны и ее мужа Василия Николаевича Каракина с далекого прошлого вплоть до недавнего времени: «Но с тех пор прошло 250–300 лет, монастырь разросся, жители присмирели и обнищали, и каждый год десятки безлошадников и бескоровников шли в монастырь на заработки» (л. 8). За этим вступлением следует рассказ о жизни в работниках: «От отца осталось нас поўна изба девок...».

К моему удивлению, эта фраза почти дословно совпадает с началом рассказа «Самая счастливая», написанного Абрамовым в 1980 году!³ Так вот почему в Собрании сочинений писателя указана эта странная датировка: 1939, 1980, никак не прокомментированная и поэтому кажущаяся опечаткой.⁴ Значит, истоки текста произведения — в экспедиционной дневниковой записи, сделанной в далеком 1939 году. Надо отдать должное достойной подготовке начинающего собирателя, сумевшего отразить яркий, запоминающийся характер народной исполнительницы, ее сочный язык, ее поистине поэтическое видение повседневности, свойственное традиционной крестьянской культуре.

Для меня — полевика-собирателя, хорошо знакомой с фольклором Пинежья и, конечно, не раз слышавшей в экспедициях колоритнейшие биографические рассказы народных исполнителей, многие страницы творчества Абрамова — как осуществленная мечта обнародовать истории, которые были записаны когда-то и нами, многие из которых так и просятся на страницы художественной прозы. Живая «говоря» пинежан слышится человеку, хорошо знакомому с местной традицией, и в речи героев Абрамова. В его рассказах характеры персонажей передаются прежде всего через их язык. Часто повествование целиком ведется от первого лица. Возникает эффект необработанной записи, прямо снятой с натуры. Как раз в такой стилистике написан рассказ «Самая счастливая».

Федор Абрамов всю жизнь записывал речь своих земляков. В зрелые годы, во время поездок на родину, он в течение многих лет постоянно делал многочисленные словесные зарисовки, заметки, заносил в записные книжки, с которыми не расставался, местные частушки, песни: «В любой деревне есть мастера и мастерицы речи, и на моей родине живет немало старух, с которыми я встречаюсь каждый год. Мне просто доставляет неизъяснимое удовольствие слушать их разговор, саму интонацию <...>. Я с любовью записываю поразившие меня выражения» (5, 218); «Люблю слово душистое, напоенное соками земли, слово игривое, с ухмылкой, в котором обобщен опыт столетий» (5, 452). Из таких записей сложился цикл миниатюр «Трава-мурава». Рассказ, которому посвящены мои заметки, близок этому циклу по стилю и форме.

Многое в пинежском фольклоре открылось Абрамову благодаря общению с коллегой по Ленинградскому университету Г. Я. Симиной. Диалектолог, собравшая значительную коллекцию пинежского фольклора, щедро делилась своими находками с писателем. Он встречался с Симиной в Верколе, во время ее экспедиций,⁵ а позже и в Ленинграде, просматривал ее записи, проходил по ее маршрутам в поисках харак-

³ Абрамов Ф. А. Самая счастливая. Рассказ // Абрамов Ф. А. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1993. Т. 4. С. 211–213 (впервые: Нева. 1981. № 1). Далее ссылки на Собрание сочинений даются в тексте статьи с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁴ По-видимому, в домашнем архиве писателя сохранилась *черновая* полевая запись (в коллекции ИРЛИ хранятся те же материалы, переписанные Абрамовым *набело*, и их машинописные копии, а черновики, непосредственно записанные в экспедиции, в те годы не сдавались в архив, и писатель хранил их дома). Эта полевая дневниковая запись 1939 года с автобиографическим рассказом и комментарием собирателя и была трактована Л. В. Крутиковой, готовившей Собрание сочинений Абрамова, как ранний вариант его произведения.

⁵ Так, в 1962 году он пишет жене из Верколы: «Помимо своих домочадцев, в нашем доме еще остановились девушки из Ленинграда, студентки-диалектологи. <...> Помнишь ли ты Симинову с кафедры русского языка? Она начальница. Вот энтузиаст! Наверно, 5 или 6 раз приехала на Пинегу» (6, 424).

теров, колоритного слова. «Я все еще под впечатлением от нюхченской старухи,⁶ — пишет он коллеге. — Удивительная старуха!» (6, 259). В письме он также просит отпечатать доклады об экспедициях: «Ведь для меня, пинежанина, в них все дорого и бесценно. И многое ново! А мысль о поездке в Нюхчу мне засела гвоздем. Земной поклон Вам и вечная благодарность» (6, 260).

Студенческая фольклорная экспедиция 1939 года помогла Федору Абрамову, быть может, впервые увидеть в своих земляках, знакомых ему с детства, крупные, значительные характеры, оценить глубину и ценность хранимых ими традиционных знаний и художественного наследия. Обращение к личности Акулины Савичны Каракиной, запомнившейся ему еще во время его первой экспедиционной поездки, — не единственный случай в творческой биографии писателя. В 1970 году он начинает работу над рассказом «Из колена Аввакумова», которая, в поисках верного художественного решения, растянулась на долгих восемь лет.⁷ Масштабная фигура главной героини Соломеи (Соломиды)⁸ имеет реальный прототип — Татьяну Андреевну Федорову (в 1939 году ей было 58 лет) из той же «заречной» деревни Летополю, где жила и Каракина. В сведениях об исполнителях собиратель отмечает: «Весь род их считается знахарями». Тем не менее записать от нее заговоры, казалось бы, естественные для репертуара «знахарки», ему не удалось. Зато свадебные причитания и редкой красоты рекрутские песни Татьяна Андреевна тогда исполнила.⁹ И вот, через много лет он вновь встретился со своей давней знакомицей, тогда уже глубокой старухой, и узнал от нее трагическую историю ее жизни, которая и стала основой сюжета рассказа. Оказалось, что зафиксированная в полевой тетради характеристика, данная односельчанами, которые считали ее вместе со всей семьей «лихими знающими людьми», «икóтниками»,¹⁰ основана на трагическом недоразумении, т. е. была «понапраслиной». Т. А. Федорова лечила и помогала людям как раз не заговорами, а полагалась на силу своей молитвы да милость Божию, что, в конце концов, и было признано земляками.¹¹

Материалы экспедиции 1939 года писатель использовал в своих произведениях несколько раз. Факт его обращения к этому архиву подтверждается отметкой в листе

⁶ Имеется в виду Анастасия Алексеевна Меньшина — «жительница деревни Нюхча, родом из той же деревни. Ей девяносто лет, она неграмотная. Но Анастасия Алексеевна — прекрасная рассказчица, много знает сказок и былей. Прожила она трудную жизнь, рано овдовела, вырастила четырех сыновей, но все они погибли на войне <...> А. А. Меньшина — свидетель многих событий. Помнит она, как появился на Пинеге первый пароход, как создавались на Пинежье колхозы, и многое другое» (см.: Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. Архангельск, 1973. С. 38).

⁷ Среди материалов к рассказу, приведенных в четвертом томе Собрания сочинений Абрамова, Л. В. Крутикова публикует 13 различных отрывков, набросков, ранних редакций (см.: 4, 571–592).

⁸ Комментируя рассказ «Из колена Аввакумова», Л. В. Крутикова отмечает мощь ее характера и жизнестойкость (см.: 4, 640); сам Федор Абрамов признается, что ее личность ему не с кем сравнить (см.: 4, 640): «Великий дух. Великая убежденность» (4, 641).

⁹ Позже, уже в 1970-е годы Татьяна Андреевна говорила о себе: «На песни певкá и на молитвы горазда» (4, 640). В 1975 году Абрамов слышал в ее исполнении также духовные стихи, даже планировал один из них процитировать в тексте рассказа. «См<отри> духовные стихи, апокрифы, — записывает он в дневнике. — В них — ее душа. И привести, как она поет один стих. Как Бог дал людям веру — самое главное богатство, потому что другое отберут. А это нельзя отобрать» (4, 642). Судя по сюжету, речь идет о духовном стихе «Христос и нищая братия (Вознесение)».

¹⁰ «Есть на Севере, а точнее сказать, на Пинеге и на Мезени, такая женская болезнь — икота, которая, правда, сейчас немного поутихла, а еще совсем недавно редкую работную бабу не трепала. Найдет, накатит на бедную — и мутит, и ломает, и душит, и крик, и рев на все голоса — по-собачьи, по-кошачьи, и даже самая непотребная матерщина иной раз срывается с губ. <...> в наших местах доселе считается: икоту садят, икоту насылают лихие, знающие люди — икотники» (4, 186).

¹¹ Ф. А. Абрамов узнал о праведной кончине Татьяны Андреевны в присутствии всего «деревенского мира» от ее дочери и ввел этот эпизод в концовку своего рассказа: «Прости, прости, говорят, Соломида. <...> Мы ведь, говорят, всю жизнь тебя топтали да пинали, детям твоим жистья не давали, а теперь, говорят, видим, святая меж нас жила» (4, 195).

использования рукописи в папке 1 коллекции 165, хранящейся в Рукописном отделе Пушкинского Дома: «14/XI-59 г. Просмотрел свои записи. Ф. Абрамов». Один из наиболее значительных случаев цитирования текстов, записанных в то время, — свадебная песня «Лизавета Ивановна, / Ты сама до вины¹² дожила, / Ты сама до большой доросла».¹³ Она звучит в финальном эпизоде романа «Две зимы и три лета» в момент сватовства Егорши Ставрова к юной Лизке Пряслиной. Их свадьба — событие, запустившее процесс разветвления трагических коллизий судьбы героини. Исход сватовства решает свадебная песня, которую поют бабы и девки под окном. Для человека, воспитанного в традиции, исполнение определенной песни, знаменующей собой известный момент и этап обряда (удачное завершение сватовства: *«поют, как просватают»*), является знаком свершившейся судьбы, которая устами певиц властно диктует невесте от имени общества, сельского «мира», что девичья жизнь невозвратно закончилась.

Еще один пример — лирическая песня «Хожу я по травке»,¹⁴ приуроченная к летним гуляниям — «мечищам», звучащая и во время сенокоса, которой писатель отводит особую роль в цикле рассказов-зарисовок «Трава-мурава». Ее начало служит эпиграфом к этому собранию философских миниатюр,¹⁵ и ее же мы находим в сюжете рассказа «Последняя страда». Герой рассказа Кузьма Иванович, чувствуя приближение смерти, просит детей вынести его на сенокосный луг — пожню и, работая, петь его любимую песню. Подводя итог своей жизни, он вспоминает и хочет вновь пережить самые светлые и счастливые ее моменты. Сближение двух праздничных ситуаций, связанных с ощущением молодости, красоты, радости бытия, — «мечища» и сенокоса — происходит благодаря песне.

Обычно полевая запись в произведениях Абрамова цитируется фрагментарно, иногда сохраняются лишь отдельные образы. По существу, можно найти у него образцы всех основных фольклорных жанров, известных на Пинеге, имеется даже упоминание былинного Ильи Муромца.¹⁶ «Илья Муромец тоже тридцать лет и три года на печи сидел, да еще сидел-то сиднем, а не о прыгунах-летунах былины у людей сложены, а об ем», — увещевает «летуна» Егоршу старик Евсей Мошкин, приводя ему в пример Михаила Пряслина, который «на печи у себя всю жизнь высидел» (2, 363). В романе «Две зимы и три лета» песня «Аленький цветочек»¹⁷ лишь называется, но не приводится ни одной строки: на празднике певуны¹⁸ предпочитают ей плясовые частушки,

¹² В данной песне слово «*вина*» употребляется в своем старинном значении: «*причина*».

¹³ ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1. Ед. хр. 20. Л. 11 об. — 12. Северная обл., Карпогорский р-н, Веркольский с/с, д. Веркола. Евгения Александровна Постникова, 50 лет, колхозница, семейная, неграмотная. Запись Ф. А. Абрамова, студента 2 курса филфака ЛГУ. 15 июля 1939 года.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 1. Л. 11 об. — 12 об. Северная обл., Карпогорский р-н, Веркольский с/с, д. Веркола. Степанида Павловна Абрамова, 57 лет, колхозница, неграмотная, семейная. Запись Ф. А. Абрамова, студента 2 курса ЛГУ. 9 июля 1939 года.

¹⁵ Федор Абрамов считал цикл «Трава-мурава» одним из своих философски значимых произведений. «Да, да, „Трава“ не просто житейские истории, а цикл, и цикл с философским подтекстом», — писал он по поводу публикации рассказов в журнале «Север» (см.: 6, 343; письмо к Д. Я. Гусарову). Писатель долго искал название цикла и, когда оно было найдено, заметил в дневнике о глубоком значении одного из излюбленных образов народной лирики, найденного им в качестве названия: «„Трава-мурава“. Поэтический образ жизни» (4, 651).

¹⁶ Среди студенческих записей Абрамова имеется былина «Илья Муромец и станишники»: ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–2. Северная область, Карпогорский р-н, с. Карпогоры. Иван Александрович Ломтев, 63 лет, колхозник, малограмотный, семейный. Запись Ф. А. Абрамова, студента 2 курса ЛГУ. 13 августа 1939 года. Запись опубликована в пинежском томе былинной серии Свода русского фольклора: Свод русского фольклора: Былины: В 25 т. СПб., 2012. Т. 7: Былины Пинеги. № 34.

¹⁷ Эту песню Абрамов записал от своей матери С. П. Абрамовой в Верколе 9 июля 1939 года (ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1. Ед. хр. 2. Л. 22–22 об.).

¹⁸ Ласковым словечком «*певуны*» Абрамов называет народных исполнительниц еще со времен своей студенческой экспедиции. Так, излагая текст редкой рекрутской песни «Ох, Ярославская наша, наша да губерния», которую ему посчастливилось записать от Татьяны Андреевны Федоровой из д. Летополи, он комментирует ее исполнение: «Моя *певуны* не выдержала на сём месте и зарыдала» (ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1. Ед. хр. 17. Л. 6–6 об.).

которые писатель выстраивает по сюжету, раскрывая характер героини — Варвары Иняхиной (1, 303). Цитируемые далее по ходу действия слова песни «Во пиру была да во беседашке»¹⁹ создают поэтический контрапункт к описанию поведения героев романа.

Владение народной традицией образного слова, полноправным наследником которой являлся Абрамов, показывают случаи, когда писатель удивительно точно угадывает и использует сам принцип складывания текста, существующий в народной традиции в таких жанрах, как причет и заговоры.

Заговор звучит в повести «Мамониха», где старуха-знахарка спасает ребенка от приступа удушья. В композиции повести этот эпизод занимает центральное место, знаменуя момент утверждения традиционных ценностей, момент единения городских людей, отпавших от них, с человеком из уходящего в прошлое деревенского мира. Писатель создает словесный образ заговора из типовых формул, распространенных в местной традиции.²⁰

Среди опубликованных Л. В. Крутиковой ранних редакций романа «Две зимы и три лета» — описание похорон Трофима Лобанова, в свое время изъятые Абрамовым по цензурным соображениям. Этот эпизод интересен развернутым текстом причитания, где показана импровизация плачей в рамках традиционного канона.²¹ Вдохновенный текст причитания, созданный писателем, вполне традиционный по лексике, композиции и типологически точным образам, является, с нашей точки зрения, одной из вершин творчества Федора Абрамова. Недаром, по свидетельству Крутиковой, он так дорожил этим отрывком, не опубликованным в основном тексте произведения, хранил его и «впоследствии хотел снова ввести в роман: <...> («Обязательно ввести главу с плачем по умирающему Трофиму»))» (1, 627).

Тот же метод обобщения обнаруживается и в работе над материалом полевой записи биографического рассказа. Ниже мы приводим оба текста, выделяя в них для наглядности сходные фрагменты повествования курсивом. Важно заметить, что, записывая в экспедиции бытовую речь, Абрамов старается максимально отобразить не только диалектную лексику, но и особенности местного произношения. В литературном произведении снято большинство специфически местных слов и выражений, а также характерное для пинежского диалекта звучание согласных и особенно гласных. Писатель пользуется словами из родной «говóри» скупно и точно — так, чтобы читатель, ощущая своеобразный колорит, подлинность, документальность прямой речи, вместе с тем без особых объяснений понимал значение необычных для общелитературного языка слов: *ма́тенка, супроти́в, погля́дом взял, не чу́ешь* (в значении *не слышишь*), *из хороше́го житъя́, забáбилась* и др.

Рассказ А. С. Каракиной о своей жизни²²

«От отца осталось нас по́йна изба девок, а в сусеках-то ни горски муки. Матенка день и ночь бьетце, кровью и потом обливаице, а все ницего, хоть с голоду подыхай, некто не заплачет, всякому до себя.»

¹⁹ См.: 1, 308. Песню Абрамов записал от своей матери С. П. Абрамовой в Верколе 9 июля 1939 года (ИРЛИ. Р. V. К. 165. П. 1. Ед. хр. 2. Л. 22–22 об.).

²⁰ Подробный анализ текста заговора в повести «Мамониха» с привлечением экспедиционных материалов из других публикаций пинежских заговоров см. в нашей статье: Якубовская Е. И. Фольклор Пинежья в творчестве Федора Абрамова // Русский фольклор: Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления. Сб. статей и материалов памяти А. А. Горелова. СПб., 2018. Т. 37. С. 242–245.

²¹ Анализ текста причитания в романе «Две зимы и три лета» в контексте причетной традиции см.: Там же. С. 246–250.

²² При подготовке к публикации соблюдена авторская разбивка на абзацы и сохранены удадения, выставленные собирателем. Редкие диалектные слова снабжены необходимым комментарием на основе личного собирательского опыта автора публикации и данных этнодиалектных словарей (в частности: Левичкин А. Н., Мызников С. А. Словарь пинежских говоров: Проект. Пробные словарные статьи. СПб., 2014).

Доўго ле коротко ле — россавала она нас по людям, брат Тихон в город ушэў, а миня в монастырь свела. Да подумай-ко ты — там я в эдаком-то ади выжила девить лет. Пришла в одном синяк²³, а годов было мне 12, да що: не по годам я была здоровяща да красива. Миня сразу и запэтили²⁴ в прачки; да девить лет я на волосатых дьяволов стирала.

Розбўда в 3 цяса утра, да стой-ко у корыта до 7 вецера. Дак уж стирашь под последни-ти, дак ничего-то не видишь и не чуешь — в глазах так и ходит все, а в ушах — звон звоном. Выйдешь — так и покачиваё, а рўцюшки из плещь выворачива, все тело стёнёт; щолочи-то много кладут, дак руки рўзны²⁵ да красны, що у голуббв ноги, а завбв²⁶ — щўлиньем²⁷ выколюце.²⁸ А зимой — стужище, що нехто из избы вон не выйдё, хозяин собаки не выгонит, а ты идёшь на реку, да выполощешь 25 кузовов. Да мёсец пройде, да рубль за это тебе и сунут.

Бывало, матенка придёт, поплачет-поплачет, да так и складеце,²⁹ ни с цем уйде: дома вить ни к чему притти.

А що вот: как не жили, не муцелись, да мболодо дак молодого и есь. В воскрисенье-то нет-нет да и выйдешь куда. Теперь вот смотри, кака ведьма, собаки пугающе, а тогды, видно, не такá была. Идешь где — работницки заглядывающе, по коридору ступаешь — монах так и метит щипнуть за груди, да бывало как двинешь в зубы — дак небось тот: век взглзнуть больше боице, не то що задеть.

Четыре-то года прожила — вот и снюхалась со своим стариком-то. Он тогды що ты — такой красивинькой да смирной — беда, девки из житья³⁰ с ума сходили. А не знаю: на що во мне обзариўсэ. Уж поминать пословицу-ту: „Погленице и церт ягодкой“.

5-то годиков прошло. Ему взеть надо миня.³¹ А кому-то бесприданница бабыцька надо, — родители не вилят братъ, сами в житьи девку подыскивают. А он и мбвё: „Кроме девки Олениной некакўю братъ не буду“. А ище пуце ко мне подхажива, уж и сколько-то мы с ним зорюшек прозоревали (бывало, так и идешь не спавше), да я и забеременела.

Ну, потужила-потужила, да и склалась: за любовь, с одним дрбóлилась,³² дак церт с ним. А он и узнал об этом: без промедленья братъ хóце, а мне велит не ту-жить. Ладно, думаю, худого словещюшка не разу не слыживала — возьмет. И взял.

Да как узнали миня еговы-ти родители — дак не один нейде к другому сыну от нас: обои от Васьки да от Акульки отступице не хотя́.

Вот спомнишь то времечко, да посмотришь типерь, как живут, дак скажешь, що типерь не живут, а пляшут...» (л. 7 об. — 9).

Рассказ Ф. Абрамова «Самая счастливая»

«Нас от отца осталось — полна изба. И все девки. Из мужского-то один Тихон был. А в сусеках горстки муки нету. Матенка день и ночь бьется, потом-кровью обливается, а все ничего, все хлебница пуста.

Ну, долго ли, коротко ли — россавала нас по людям. Брат Тихон в город ушел, а меня, двенадцать лет было, в монастырь свела. Да подумай-ко, я там, в эдаком-то аду, девять лет выжила. Девять лет на волосатых дьяволов стирала.

²³ Синя́к — косоклиный сарафан из грубого домотканого холста, крашенного синей кубовой краской. — Е. Я.

²⁴ Запéтили — от запéтать: затолкать, запихать, заколотить (в значении засунуть с силой). — Е. Я.

²⁵ Рóзны — разъедены [здесь: щелоком]. — Е. Я.

²⁶ Завбó — заусенцы, задравшаяся кожаца у основания ногтя, ссадины, ранки. — Е. Я.

²⁷ Щўлинье — щеленье: стирка в щелоке, также раствор щелока. — Е. Я.

²⁸ Выколюце — в́ыкоплюце, выкопающе — от: в́ыкопать — выдолбить, вырыть. — Е. Я.

²⁹ Складетце — смирится, согласится, примет как неизбежное. — Е. Я.

³⁰ Из житья — из хорошего житья, зажиточные. — Е. Я.

³¹ Взéть надо миня́ — взять замуж, посвататься. — Е. Я.

³² Дролилась — от: дроля — милый друг, любимый, ухажер. — Е. Я.

Разбудят, бывало, в три часа утра да стой-ко у корыта до восьми вечера. Дак уж напоследок-то стираешь — ничего не видишь и не чувствуешь, в глазах все так и ходит. Руки щелоком развост до мяса. Красные. Как лапы у голубя. Жалели мыла-то монахи, все на щелок нажимали.

А зимой-то в проруби полоскать! Стужа — хозяин собаку из избы не выгонит, а ты идешь на реку да выполощешь двадцать пять кузовов. Да месяц пройдет, тебе за это рубль и отвалит.

Вот как меня в святых-то местах мытарили. Бывало, матенка придет, поплачет-поплачет да так ни с чем и уйдет; не к чему ведь дома-то прийти.

А что вот: как ни жила, как ни мучилась, а молодо дак молодо и есть — подошло воскресенье, и нет-нет да и выйдешь куда. Теперь вот смотри, какая ягодка — собаки пугаются, а тогда, видно, не такой была. Идешь где — работники глазами едят, по коридору ступишь — монах так и норовит за груди щипнуть, да, бывало, как двинешь в рожу-то волосатую — снопом летит.

Ядрена, ядрена была, не обидел бог здоровьем-то, мешки с мукой в шестьдесят лет ворочала, ну а супротив своего старика, тогда-то не старик был, кровь с молоком, не устояла. Поглядом взял. Всех — и монахов, и работников от себя отшвыривала, как щенят, кидала, а тут глазом повел и делай, что хошь, — ни рукой, ни ногой не шевельнуть.

Забрюхателя.

Ну что поделаешь, сама виновата. С мамой посидели-поплакали: такая уж судьба. А чтобы Олексею жалиться, слово сказать — это старику-то моему, — мне и в голову не приходило. Из хорошего житья человек, первый жених на деревне — да разве ему с Олениной девкой возжаться? Бесприданница, да еще и ворота на запоре держать не может. Раньше ведь строго было насчет девьей чести, не то что ноне.

А Олексей узнал, что я забабилась, — к родителям: так и так, отец и матери, кроме Олениной девки никого брать не буду.

Те его и лаской и таской, и добром и батоном — горячий отец был, ну Олексей на своем: не быть под моей рукой никому, окромя Окульки.

Отец распалился:

— Ах так! — говорит, — Отец-мать тебе не указ? Ну дак живи как хочешь. Ничего не дам.

И не дал.

Мы три года в черной бане жили, три года дымом давились. Первую-то квашню я в чем, думаешь, развела? В шайке, из которой в бане мылись.

Олексей — спать ложится: «Пой, женка!» Да я, веришь ли, сроду так не певала. Вся деревня выходила на улицу нас слушать. «Окулька-то, говорят, не диво, что поет. Той как не петь, лучше-то не жила, смалу в людях. А Олексей-то чему радуется?»

А мы с Олексеем быстро на ноги встали. Дом выстроили. Одни, всем в удивленье. Я вместо напарника была — и под дерево, и на дерево. Да, бревна вместе с Олексеем подымала и на углу с топором вместе сидела. И опять, бывало, вся деревня глаза пучит: ведь ни в жизни не видали, ни в сказке не слыхали, чтобы баба с топором управлялась.

Дом построили, хозяйством обзавелись, к нам и свекор-гроза пожаловал.

Старик беспомощной стал да слепой еще — кому такой надоть? Все три сына отказались. Иди, говорят, теперь к Олексею. Ты у его еще не жил. А как к Олексею-то идти, когда он его из дому выгнал, иголки не дал?

Я утром вышла — кто у нас на крыльце сидит? А то свекор. Колотиться-то не смеет, вот и сидит на крыльце. А холодно. Зима. Самые раскрещенские морозы.

Я старика на руки да в избу, да на печь. А потом напоила, накормила да в бане намыла — его вошь съела. Ну дак уж он как малый ребенок плакал:

— Прости, прости, Окулина. Я не воздал тебе за твою доброту, дак пуцай хоть Бог воздаст.

И вот не знаю, свекор ли намолил мне счастья (набожный был старик, не то что я, монастырка, так меня в деревне-то кличут), судьба ли у меня такая, а я самый

счастливый человек по деревне. На войну четыре человека из моего дома уходило — муж, трое сыновей, и все четверо вернулись. А Олексеевы братья все там остались. Да что говорить? Три с половиной мужа по всей деревне вернулось, а у меня все четверо — это ли не счастье?» (4, 211–213).

Завязка сюжета в автобиографическом повествовании Каракиной и опубликованном рассказе близки по тексту. Зачин Абрамов цитирует практически дословно. Писатель опускает здесь лишь мотив здоровья, красоты и силы героини, которую, несмотря на ее юный возраст, «запéтили» на взрослую работу, в прачки. Действительно, в самом начале он представляется избыточным, поскольку раскрывается в дальнейшем, несколько в ином контексте.

Развитие сюжета лишь намечено в рассказе Акулины Савичны. Оно ограничено историей любви и верности Василия своей избраннице, своему слову и сконцентрировано в нескольких скупых фразах: «А он и мовё: „Кроме девки Олениной некакую брать не буду“ <...> да я и забеременела. <...> А он и узнал об этом: без промедленья брать хóче, а мне велит не тужить. Ладно, думаю, худого словецюшка не разу не слыживала — возьмет. И взял» (л. 8 об. — 9). Еще более кратко обозначена линия примирения родителей мужа со своей невесткой-бесприданницей, которую они полюбили и оценили, узнав ближе.

Абрамов на основе этого концентрированного, краткого текста разворачивает историю молодой семьи. Свою жизнь герои рассказа Олексей и Окулька начали строить самостоятельно, без помощи родителей и сельского общества, которое лишь с изумлением наблюдало за чудными молодыми.

Финал рассказа Абрамова раскрывает его название: судьба рассказчицы, которая выросла в голоде и холоде, а юность провела в тяжелой работе «в чужих людях», вопреки бытовой логике соседей, «всей деревни», повернулась к ней «счастливым концом». Окулька, как и ее прототип — давняя собеседница Абрамова Каракина, принимает свою судьбу такой, какую ей дает Бог: «С мамой посидели-поплакали: такая уж судьба» (4, 212) — «Ну, потужила-потужила, да и склáлась (смирилась)» (л. 9). Она искренне считает, что самого дорогого счастья — счастья, которое не зависит лично от нее, «намолил» ей свекор, которого, не помня обиды, она приняла и обиходила: все мужики в ее семье вернулись с войны живыми. Попутно писатель замечает, что «Олексеевы братья», которые отказались от своего слепого и беспомощного отца, не вернулись с войны. В таком финале можно усматривать логику сюжета народной сказки, легенды, где добро всегда награждается, а зло наказано.

Реальная история жизни семьи Каракиных, собственно, тоже завершается «счастливым концом», но совершенно в ином ракурсе. Конфликт Василия с отцом побеждается жизнелюбивым и добрым характером Акулины. Родители ее мужа поняли, что сын сделал правильный выбор, и на старости лет даже не хотели жить у других своих сыновей: «Да как узнали миня еговы-ти родители — дак не один нейде к другому сыну от нас: обои от Васьки да от Акульки отступице не хотя́» (4, 212). Рассказчица, поведав это собирателю, вновь возвращается к теме своей тяжелой юности. Ей важнее то, что они с мужем смогли найти свое счастье в «новой жизни» в колхозе: «Вот спомнишь то времечко, да посмотришь типерь, как живут, дак скажешь, що типерь не живут, а пляшут...» (л. 9).

Все дело в том, что собственно биографическое повествование в записи Абрамова появилось как своеобразное вступление, пояснение особого, отличного от других содержания свадебных причитаний невесты. Рассказывать о своей жизни исполнительница начинает, объясняя собирателю, почему на своей свадьбе она в причетах не упоминала, как это обычно было принято в традиции, о счастливой и безбедной жизни в родительском доме. Она-то не знала в девчестве ни отцовской «вольной воли», ни материнской «нежной неги», поскольку провела эти свои лучшие годы «в чужих людях»:

«Уж и родима ты да мамонька,
Уж я жила у вас да не красоваласе,

Уж и дома я да не живала,
 Уж я не знала да кака воля,
 Уж я не знала да кака нега,
 Уж я знала да како горё,
 Уж в цюжих людях да проживала,
 Уж цюжу роботушку да рбила. <...>.

(А вот жила какая хорошо, дак она не так и причитала):

Уж родима ты да мамонька,
 Уж все у меня прошло да прокатилосе,
 Уж и вся гульба у меня да миноваласе,
 Уж и за единый цяс да показаласе.
 Уж находилась я боле да нагуляласе
 Уж и красной да деушкой,
 Уж и вольнёй да вольницей,
 Уж беспецельной да беспецеленкой.
 Уж и жила я да красоваласе,
 Уж и как сыр в масли да купаласе,

(сама-та я не купалась)

Уж как жемцюжинка по блюдушку да роскаталасе».

(л. 10–10 об.)

Не забудем также, что автобиографический рассказ Каракиной записан Абрамовым до Великой Отечественной войны — в 1939 году, когда прототипы всех героев его рассказа еще не пережили события, которые заставили их переоценить свои представления об истинном счастье и о судьбе.

Характер персонажа заложен в наблюдениях Абрамова, ярко запечатлевшихся в памяти. Образ главной героини, основанный на юношеском впечатлении писателя от своей собеседницы («На редкость веселая 60-летняя старуха, а на вид — только пожилая женщина» (л. 7 об.)), для читателя складывается из ее живой речи. Подчеркнем, что сам тон, настрой рассказа Каракиной и героини произведения один и тот же.

Абрамов создает текст, опираясь на яркие слова из речи рассказчицы, но отнюдь не всегда цитирует их дословно, а разрабатывает в сложном смысловом контексте. Вспоминая молодые годы, Окулька, героиня рассказа «Самая счастливая», говорит о себе с иронией: «Теперь вот смотри, какая *ягодка* — собаки пугаются, а тогда, видно, не такой была» (4, 211–212). В экспедиционной записи Акулина Савична Каракина говорит напрямую: «Теперь вот смотри, кака *ведьма*, собаки пугаюце, а тогда, видно, не та^{ка} была» (л. 8 об.). Пинежанам свойственна самоирония, эту черту характера Абрамов тонко передает в типичном местном выражении. Образ *ягоды*, *ягодки* в свадебных песнях символизирует зрелую, расцветшую молодость, готовую к браку; с ягодой сравниваются жених и невеста: «Ягода с ягодой сокатилися». В частушках *ягодкой*, *ягодиночкой* именуется милый, любимый. Именно в этом смысле слово *ягодка* употребляется в пословице, которую Каракина приводит в своем повествовании: «Поглэнитце и черт *ягодкой*» — т. е. *ягодкой* покажется и черт, если понравится, полюбится.

Столь же сложная ассоциативная работа стоит за ярким абрамовским выражением «*Поглядом взял*», которое отсутствует в рассказе Акулины Савичны. У Абрамова Алексей не только красив, но и богат: «Из *хорошего житья* человек, первый жених на деревне» (4, 212). Своим особенным взглядом он покоряет гордую и недоступную Окульку: «*Поглядом взял*. <...> глазом повел и делай, что хошь, — ни рукой, ни ногой не шевельнуть» (4, 212). В бытовом рассказе, наоборот, прототип главного героя Василий, хоть и красивый и разумный парень: «Он тогды що ты — такой красивинькой да смирной — беда, девки из *житья* с ума сходили» (л. 8 об.), — но отнюдь не богат. Он такой же работник в монастыре, как и его избранница Акулина: в 1939 году он рассказывал собирателю, что «на своих плечах собор построиў» (л. 9). Потому-то родители, желая обеспечить прочное будущее своему сыну, и подыскивали ему в жены «девку

в жизни». Но он полюбил бесприданницу и остался ей верен — не только в решающий момент женитьбы, но и на всю жизнь. «А не знаю: на що во мне обзариўся», — не без простодушного кокетства говорит рассказчица и приводит пословицу о черте и яголке, процитированную выше. Абрамов берет из пословицы слово «поглéнитце» (поглынется), но создает новый образ с помощью формы существительного «поглы́д»: «взгляд с любовью, нежностью» — и разворачивает повествование в несколько ином ракурсе, чем в записанном им автобиографическом рассказе.

Таким образом, писатель свободно распоряжается имеющимся у него текстом полевой записи, создавая на его основе новые художественные образы, обобщающие и укрупняющие хотя и колоритную, яркую, но бытовую речь.

Вместе с тем, развивая сюжет произведения, Абрамов раскрывает некоторые обстоятельства жизни героев, лишь кратко упомянутые в рассказе Каракиной. При этом он мастерски пользуется иным словесным материалом, записанным позже, а быть может, и памятным ему с детства. Рассказывая о своем участии в строительстве дома, Окулька шеголяет поговоркой, желая показать полноту своего участия в плотницкой работе: «...и под дерево, и на дерево. Да, бревна вместе с Олексеем подымала и на углу с топором вместе сидела» (4, 213). Абрамов вводит объяснение смысла поговорки в прямую речь героини, чтобы приведенное им краткое, отточенное выражение не потерялось, было воспринято и оценено читателем. Есть в абрамовском рассказе и еще одна поговорка, более известная и не требующая пояснений: «*Те его и лаской и таской, и добром и батогом*» (4, 212). Так, включая в свой художественный текст пословицы и поговорки, которыми еще не так давно была буквально уснащена бытовая речь его земляков, писатель создает неповторимый языковой колорит. Помимо всего прочего, пословицы сообщают авторскому повествованию ритмичность, которая, вместе с возникающей время от времени рифмой, является одной из характерных жанровых особенностей паремий.

Образ Олексея, мужа героини, от имени которой ведется рассказ, создан под впечатлением от реального человека — Василия Каракина. В полевом дневнике Абрамов-собираатель описывает его «задорным стариком, весьма любознательным и обходительным» (л. 7 об.). В рассказе «Самая счастливая» герой показан не только в ситуации с выбором невесты, где он, как и его прототип, проявляет твердость характера, но и в других обстоятельствах, где мы видим его «задорность». Ложась спать с молодой женой «в черной бане», он приказывает ей: «Пой, женка!» — и они, на удивление всей деревне, поют вместе от всей души: «Да я, веришь ли, сроду так не певала. Вся деревня выходила на улицу нас слушать» (4, 212–213). Олексей же решается вдвоем с «женкой», которая оказалась достойным напарником не только в пении, но и в мужицкой работе, строить дом: «И опять, бывало, вся деревня глаза пучит: ведь ни в жизни не видали, ни в сказке не слышали, чтобы баба с топором управлялась» (4, 213).

Таким образом, Федор Абрамов на материале записанного им бытового автобиографического рассказа создает художественное произведение путем раскрытия логики развития сюжета, присущей народной художественной традиции. Образы главных героев в рассказе вырастают из внетекстовых наблюдений писателя над реальными прототипами. Их окончательное оформление происходит благодаря его филигранной работе с их живой речью, многократно обогащенной иными источниками из запасов народной традиции, наследником которой был Абрамов с самой юности и которой он осознанно и в полной мере овладел в свои зрелые годы, неустанно вживаясь, вслушиваясь в живую речь пинежан.